

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
МАРТЪ, 1915 Г.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢВИЧЪ СУВОРИНЪ.

XIV.

Чеховъ передъ смертью.

БГУТЬ быстротечные годы!—говоритъ великій Горацій.

Давно ли, кажется, я зналъ Ан. П. Чехова, какъ милаго и веселаго Антошу Чехонте, какъ начинающаго и талантливаго сотрудника «Новаго Времени» и автора его первыхъ прелестныхъ лирическихъ разсказовъ въ стилѣ Тургенева? А годы шли да шли. Мѣнялись и люди, и обстоятельства.

— Вотъ ужъ у меня издана цѣлая стопка книгъ!—говоритъ Чеховъ, указывая на этажерку.— Не усѣбешь оглянуться—вторымъ Николаемъ Александровичемъ Лейкинымъ очутишься... Онъ мнѣ сегодня письмо прислалъ и, по обыкновенію, страшно хвастается, что его купецъ Ивановъ восемнадцатымъ изданіемъ вышелъ...

А знаете, какъ онъ издаетъ свои книги? По 200, по 250 экземпляровъ! Раздѣлить 2,000 книгъ на десять частей, вотъ у него и сразу десять изданій. Преподнесъ онъ и мнѣ это «восемнадцатое изданіе»... Надпись—вродѣ, какъ на могильной плитѣ: «Антону Чехову—Николай Лейкинъ». Не люблю я, знаете, этого господина... Какъ увидалъ, такъ и не влюбилъ. Когда я въ первый разъ въ Петербургъ пріѣхалъ и познакомился съ Билибинимъ ¹⁾,

¹⁾ Покойный В. В. Билибинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и водевилей, сотрудникъ многихъ изданій, представлялъ собою замѣчательную личность, вполне заслуживающую названія «свѣтлой». О Билибинѣ я со временемъ напишу особую статью.

представьте, на чемъ мы сошлись?—оба сразу, какъ бы стоворившись, начали ругательски ругать Лейкина! (Чеховъ засмѣялся).

— Ну, разумѣется, Лейкинъ человѣкъ не безъ недостатковъ,—сказалъ я, такъ же, какъ и всѣ сотрудники «Осколковъ», знавшій цѣну ихъ редактора:—но васъ-то, Антонъ Павловичъ, онъ очень любить... Вѣдь, вы начинали въ «Осколкахъ»!

— Полноте! Кого онъ въ жизни любилъ, кромѣ денегъ? Вспомните, какъ онъ по-жидовски платилъ мнѣ, вамъ, Грузинскому!.. Вотъ Пальминъ умеръ,—далъ ли онъ хоть рубль на похороны? Фефела Ивановна (сожительница поэта Пальмина) ко мнѣ подходила и жаловалась: ничего, говорить, не далъ! Я ей шепнулъ: подайте, говорю, на Лейкина жалобу генераль-губернатору...

— А мнѣ Лейкинъ на похоронахъ Пальмина говорилъ, что послѣ него осталось 13,000 рублей, и что ихъ Фѣфела-то и подтибрила!

— Видите, видите, какой враль! Ну, откуда у Пальмина могло быть столько денегъ? Это отъ стиховъ-то! Нѣтъ, Фѣфела многимъ не поживилась... Кстати, какъ ее по настоящему-то звали?

— Пелагея Евдокимовна,—отвѣчалъ я.

— А Пальминъ называлъ ее Фѣфелой... Помните, Н. М., какъ мы его перевязывать ѣздили!? И вамъ эта самая Фѣфела 30 копеекъ на чай дала! ¹⁾

Чеховъ расхохотался, но, какъ это съ нимъ часто случалось, внезапно опять насупился и проговорилъ:

— Ну, а печеніе книгъ à la Лейкинъ все-таки я приостанавливаю!

— Почему же, Антонъ Павловичъ? Вѣдь, книги книгамъ рознь.

— А потому, дорогой мой, что вообще надо экономить запасами, отпущенными намъ природой! Кромѣ того, ужъ если писать, то писать что-нибудь значительное... романъ, напримѣръ, въ нѣсколькихъ частяхъ.

— У меня есть одинъ знакомый, нѣкто Стрижевскій,—сказалъ я.—Тотъ спитъ и видитъ, чтобы вы написали романъ въ юмористическомъ тонѣ, вродѣ «Записокъ пикквикскаго клуба».

Чеховъ подумалъ и усмѣхнулся.

— Знаете, что я вамъ отвѣтилъ бы, будучи... Григоріемъ Мачетомъ?

— Что же?

— Я бы спросилъ съ важной миной: скажите, это не тотъ Стрижевскій, который со мною сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости? Нѣтъ? Виноватъ, извиняюсь...

¹⁾ Это произошло въ первые годы моего знакомства съ Чеховымъ. Пальминъ, будучи подъ хмелькомъ, упалъ и разбилъ себѣ лобъ. Вызвали Чехова, «какъ врача и друга». Я тогда былъ у Чехова въ гостяхъ—и поѣхалъ помогать, «въ качествѣ фельдшера». Фѣфела хотѣла дать 30 копеекъ Чехову на извозчика, но Чеховъ отвѣчалъ: «фельдшеру дайте!» Насилу я отъ нея отбился,
Н. Е.

Авторъ этихъ воспоминаній, встрѣтившись съ тогда еще здравствовавшимъ Г. А. Мачтетомъ, вспомнилъ шуточные слова Чехова и сдѣлалъ опытъ (даже фамилію ту самую употребилъ!) И вотъ что буквально спросилъ Мачтетъ:

— Скажите, это не тотъ Стрижевскій, что былъ заключенъ въ Петропавловской крѣпости?

Большихъ усилій стоило мнѣ сохранить серьезную физиономію.

«Ахъ, Чеховъ, Чеховъ! — думалъ я. — Мастеръ ты подмѣтить курьезную струнку ближняго...»

Скажу кстати, что рядиться въ тогу «когда-то потерпѣвшаго отъ политики» — эта манера до сихъ поръ у многихъ осталась.

Относительно сочиненія романа вродѣ диккенсовскихъ «Записокъ пиквикскаго клуба» Чеховъ сказалъ:

— Пусть-ка вашъ Стрижевскій самъ попробуетъ...

И, еще немного помолчавъ, произнесъ вразумительно:

— Короленко почти совсѣмъ сошелъ со сцены... Я еще держусь, но... Знаете, это хорошо, пока никого нѣтъ! А народись новый писатель, сильный, оригинальный, тогда намъ, уже достаточно набившимъ оскомину читателю, — мать! Вотъ почему не надо печь книги, какъ кулебяки, а рассказы, какъ блины...

Какъ видите, это былъ Чеховъ, но не тотъ, что въ началѣ своей радужной карьеры. Задумчивость и хмурость уже начали омрачать этотъ, недавно беззаботный, а нынѣ переставшій нѣжно улыбаться симпатичный ликъ. Время брало свое. Та усмѣшка счастья, когда писатель творилъ и былъ доволенъ собою, пропала безслѣдно. Чехова томило желаніе создать что-нибудь очень крупное, но это крупное, увы, не создавалось. Тысячи читателей-поклонниковъ Чехова, сотни Стрижевскихъ отъ всей души желали ему блестящихъ писательскихъ перспективъ, но...

— Подите-ка, попробуйте сами! — раздавалась въ отвѣтъ фраза писателя, можетъ быть, погружающагося въ свои тайныя и невеселыя соображенія.

То былъ періодъ начала писаній Чехова въ «Русской Мысли», періодъ, на мой взглядъ, самый печальный и неудачный.

Извѣстіе объ ухудшеніи здоровья Антона Павловича и ухудшеніи настолько рѣзкомъ, что больного отвезли въ клинику профессора Остроумова, поразило меня чрезвычайно. Никто не думалъ, что Чеховъ такъ серьезно, такъ опасно нездоровъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы Чеховъ вышелъ отъ Остроумова, чтобы сейчасъ же навѣстить стараго товарища. Это, однако, случилось не скоро. Кажется, послѣ клиники Антонъ Павловичъ уѣхалъ въ свое имѣніе Мелихово, потомъ за границу, и только поздно осенью или даже зимой мы встрѣтились. Чеховъ сильно измѣнился, былъ сморщенъ, очень исхудалъ. Особенной худобой поражали его ноги.

— Въ клиникѣ меня прескверно кормили!—сказалъ онъ мнѣ.— Вотъ бы вамъ тиснуть въ «Новомъ Времени» про что: про московскія клиники! Ужь если меня, писателя и при этомъ врача, питали неудобоваримой дрянью, что же даютъ простымъ смертнымъ?

— А вы бы, Антонъ Павловичъ, протестовали!—сказалъ я.

— Говорилъ, протестовалъ! Смѣются: вы, говорятъ, очень избалованы... Я, знаете, даже про васъ поминалъ, говорю: надо будетъ московскому корреспонденту «Новаго Времени» сообщить о вашихъ порядкахъ... А они все въ шутку сводили: «попробуйте, говорятъ, мы васъ лечить хорошо не станемъ...» А я, знаете, съ большимъ удовольствіемъ читалъ вашъ фельетонъ о московскихъ больницахъ. Прекрасно, ярко, доказательно... Такъ ихъ и надо щелкать!

— Городской голова на меня Суворину доносъ за это послалъ: просить опровергнуть, не называя, откуда идетъ опроверженіе,— замѣтилъ я.

— А Суворинъ что?

— А Суворинъ мнѣ препроводилъ этотъ отвѣтъ и пишетъ, что если я стою на твердой почвѣ, то есть правъ и ратую за дѣйствительно обиженныхъ больныхъ, то безъ стѣсненія долженъ продолжать свое дѣло, невзирая на доносы городскихъ головъ ¹⁾.

— Молодчина Суворинъ!—сказалъ Чеховъ.—Вотъ этимъ онъ хорошъ, своихъ зря не выдастъ... У васъ говорится въ фельетонѣ о поэтѣ Епифановѣ. Кто это? Гдѣ писалъ?

— Кажется, въ «Московскомъ Листкѣ».

— Это онъ-то и вытерпѣлъ больничную пытку?

— Онъ, онъ.

— И чахоткой боленъ? Г-мъ.

Чеховъ промолчалъ и проговорилъ:

— Вотъ что, Н. М., вы передайте ему отъ меня 15 рублей... А лѣтомъ я буду въ Ялтѣ и поговорю тамъ съ врачами. Можетъ быть, удастся перетащить его туда... Тамъ ему будетъ отлично!

Я отъ души поблагодарилъ Чехова и съ былымъ восторгомъ поглядѣлъ на него.

— Вы слышали, у меня въ клиникѣ Левъ Толстой былъ?—спросилъ Чеховъ.

— Да, слышалъ.

— Ну, батенька мой, какъ тамъ всѣ забѣгали, когда увидали Толстого, какъ заметались!

Чеховъ хотѣлъ мнѣ рассказать про Льва Николаевича, но тутъ появились новые посѣтители, мужчины и дамы. Я сталъ прощаться.

Года за полтора до смерти А. П. Чехова я собирался къ нему по одному дѣлу. У меня было къ Чехову порученіе отъ третьихъ

¹⁾ Эта «бумага» городского головы, просившаго редакцію, чтобы его «не обнаруживали, хранится у меня среди прочихъ любопытныхъ документовъ. Н. Е.

лицъ, весьма щекотливое. Я долго отказывался и, вѣроятно, не скоро пошелъ бы къ Антону Павловичу, тѣмъ болѣе, что тотъ хворалъ и мало кого принималъ.

Но Чеховъ самъ позвалъ меня, приславъ «открытку» съ краткимъ текстомъ:

«Гдѣ вы? А. Чеховъ».

Я все-таки медлилъ. Чужое дѣло жерновомъ висѣло у меня на шеѣ. Я зналъ, что и Антону Павловичу оно настолько же будетъ неприятно, какъ и мнѣ. Наконецъ я собрался.

Чеховъ въ то время жилъ на Спиридоновкѣ, въ домѣ Бойцова, во флигелѣ, на дворѣ. Я не зналъ, примутъ ли меня, потому что ходили слухи о томъ, что визитеры страшно надоѣдаютъ и утомляютъ Чехова. Однако меня сейчасъ же попросили въ кабинетъ къ хозяину, но предварительно посоветовали обогрѣться въ гостиной.

Я, помедливъ, вошелъ... Въ небольшой комнатѣ какъ будто никого не было, и я остановился, думая, куда же дѣвался хозяинъ? Все было тихо.

— А, Николай Михайловичъ!—вдругъ раздался слабый и знакомый голосъ.—Что это вы запропали?

Я оглянулся и только тутъ разсмотрѣлъ, что глубокое кресло, стоящее близъ письменнаго стола, не пустое: на немъ сидѣлъ А. П. Чеховъ.

Боже! Это была тѣнь Чехова! Какъ онъ исхудалъ, умалшлся, изболѣлся! Какъ обострилось это милое, симпатичное лицо, какъ высохла вся фигура когда-то стройнаго и даже плечистаго юноши-Чехова! Гдѣ его волны волосъ, какъ у Антона Рубинштейна? Гдѣ живой взглядъ свѣтло-карихъ глазъ? Нѣчто безслепное и глубоко скорбное отпечаталось на всемъ Чеховѣ. Подобной страшной перемены я совершенно не ожидалъ, не приготовился къ ней.

Ахъ, какъ глупа и неумѣстна показалась мнѣ моя дѣловая миссія къ Чехову! Было бы преступленіемъ утруждать хотя лишнимъ словомъ эту угасающую жизнь. И все, что созидало досаду, неудобольствіе, рознь,—все исчезло, какъ дымъ. Осталась одна безграничная любовь къ старому товарищу-писателю. Но къ этому чувству присоединилось другое: острое и пронизывающее сожалѣніе.

— Какъ поживаете?—послышался опять тихій голосъ Чехова.

Я хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ почувствовалъ, что губы мои дрожать, и я не въ силахъ вымолвить хотя бы одно слово.

Въ давнопрошедшіе годы, въ ранней юности, я однажды былъ въ гостяхъ, куда пріѣхалъ покойный музыкантъ Порубиновскій. И онъ началъ играть на скрипкѣ. Въ первый разъ я слушалъ талантливаго артиста. И хотя скрипка не была его постояннымъ инструментомъ, онъ умѣлъ изъ него извлекать особенные звуки. Меня эта мелодія неожиданно и властно охватила и сковала: я сидѣлъ, жадно слушая, а дивные и мощные звуки вливались мнѣ въ душу,

въ сердце; они медленно неслись въвысь, дѣлаясь все тоньше, нѣжнее; и съ этими звуками шли къ горлу слезы; онѣ проступали сквозь рѣсницы, капали на дрожащія руки...

И вотъ, увидавъ Чехова, больного, умирающаго, гаснущаго, исчезающаго отъ насъ, я почувствовалъ эти звуки, зовущіе рыданія, я готовъ былъ упасть въ истерикѣ, мнѣ хотѣлось ломать себѣ руки и кричать: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—протестуя противъ близости смерти человѣка.

А онъ, болящій и слабый, не замѣчалъ моего волненія, не видѣлъ моего разстроенаго лица. Минуты двѣ продолжалось это нестерпимое положеніе, пока я справился и могъ что-то вымолвить, вродѣ того, что я пришелъ повидаться, но могу сейчасъ же уйти, если Антонъ Павловичъ занятъ.

— А вотъ именно я сейчасъ ничѣмъ не занятъ,—отвѣчалъ Чеховъ.—Дома никого нѣтъ... Сижу и думаю, не поѣхать ли прогуляться, въ Петровскій паркъ? Что холодно на дворѣ?

— Не особенно. Погода отличная.

— Г-мъ... Сейчасъ, пожалуй, поздно... Знаете что? Погуляемъ въ паркѣ завтра. Приѣзжайте туда часамъ къ 12. Я вамъ, какъ женщинѣ, рандеву назначаю (онъ улыбнулся блѣдной улыбкой, и все лицо его изрѣзалось морщинками).

Я поспѣшилъ изъявить согласіе.

— Какъ ваши дѣла съ Суворинымъ?—спросилъ Антонъ Павловичъ.

Я боялся обременять его разговорами и еще разъ освѣдомился, не мѣшаю ли я.

— Нисколько. Я очень радъ, что вы зашли. Расскажите мнѣ, почему это въ «Новомъ Времени»...

Тутъ Чеховъ началъ толковать о новыхъ сотрудникахъ названной газеты, о ея нововведеніяхъ и т. п. Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы нечаянно спросилъ:

— Скажите, Николай Михайловичъ, вы вѣрите въ будущую жизнь?

Я удивился и медлилъ отвѣтомъ.

— Впрочемъ, вы, навѣрное, человѣкъ божественный, отвергаете революцію, думаете, что Суворинъ—пророкъ своего отечества, а Буренинъ—первый русскій критикъ. Вы въ рай попадете, а вотъ мы въ аду горѣть будемъ..

Онъ помолчалъ и мечтательно проговорилъ:

— Однако Гамлетъ сказалъ: «Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ»... Я не разъ думалъ, что это?—невѣжество Шекспира, болѣе 300 лѣтъ назадъ сказавшаго такую фразу, или что-то вѣщее? Левъ Толстой все отвергаетъ, а самъ писать, что смерть есть воскресеніе! Даже такой гигантъ сомнѣвается... Н-да! Вотъ и поворачивайся на обѣ стороны...

Я съ содроганіемъ слушалъ Чехова. Всѣ эти слова звенѣли мнѣ предсмертными стопами организма, разрушаемаго безопадною болѣзною. Сердце мое стало биться съ такою болью, что я крѣпко прижалъ къ груди лѣвую руку. Отъ болѣзненнаго этого ощущенія духъ захватывало.

А Чеховъ тихо продолжалъ:

— Умъ человѣческой трезвъ, пока здорово и цѣло естество. Если, напримѣръ, сердце изжито и пусто, ему ничто не поможетъ: ни религія, ни медицина! Я всегда былъ реалистомъ, но... Кстати вы, Николай Михайловичъ, видѣли когда-нибудь привидѣніе?

Я вспомнилъ «Чернаго монаха», этотъ разговоръ Чехова, полный бреда, и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не видалъ, Антонъ Павловичъ!

— Жаль! Я бы хотѣлъ потолковать съ человѣкомъ, испытаннымъ что-нибудь сверхъестественное... Только мнѣ надо правдиваго человѣка! Если бы тутъ *** былъ, онъ бы намъ десятокъ случаевъ привелъ, и все это было бы сочиненіемъ. Онъ всегда лжетъ. Это его главная спеціальность.

Чеховъ опустилъ голову. Какъ грустна, какъ тяжка для меня была эта поза! Она врѣзалась въ мою память, и я всегда ее помню. Такъ, не поднимаясь, онъ все сидѣлъ, и мнѣ казалось, что это маленькій, безпомощный ребенокъ, и нѣтъ той любящей матери, которая могла бы теперь развеселить, утѣшить и облегчить его отъ тяготы болѣзни!

Я сидѣлъ, глядя на него, потрясенный, и говорилъ про себя одно и то же слово:

— Прощай! Прощай! Прощай!

Пора была уходить. Я было всталъ.

Чеховъ уловилъ мое движеніе.

— Вы что, Николай Михайловичъ?

— Мнѣ пора домой, Антонъ Павловичъ.

— Погодите... Можете позже написать фельетонъ въ «Новое Время»...

— Завтра, значить, мы встрѣтимся въ Петровскомъ паркѣ?

— Въ паркѣ? А, да! Разумѣется... Погодите, что я хотѣлъ вамъ сказать?

И вдругъ, опять улыбнувшись блѣдной улыбкой, Чеховъ спросилъ меня:

— Скажите, какъ фамилія К—скаго?

— Да именно такъ, какъ вы сказали, — отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ: — К—скій.

— А вотъ и нѣтъ: его настоящая, по паспорту, фамилія — К—хесъ!

Чеховъ поглядѣлъ на меня. На мигъ заблестѣло на этомъ страдальческомъ лицѣ нѣчто былое, связанное съ воспоминаніемъ о ве-

селомъ юморъ, о брызгахъ живого чеховскаго остроумія, о нашей прошедшей молодости, о невозвратныхъ дняхъ нашихъ первыхъ литературныхъ выступлений...

И быстро все это погасло, какъ свѣча, задутая незримыми устами.

Я сталъ прѣдаться. Я пожалъ руку Антона Павловича, она была холодна, какъ гипсовая. Это прикосновеніе, это погасшее лицо безцѣннаго человѣка, этотъ послѣдній, померкшій взглядъ разбили мои нервы...

Я надѣвалъ въ передней свое пальто, стараясь заглушать рыданія, просившіяся наружу, я не видалъ, куда мнѣ итти, я вышелъ— и долго стоялъ на крыльцѣ, не зная, что со мной и куда мнѣ нужно было ѣхать...

Это было послѣднее мое свиданіе съ Антономъ Павловичемъ. Въ 1904 году тяжело больного Чехова увезли въ Германію, и тамъ, среди тевтонскихъ безразличныхъ и холодныхъ физиономій, вдали отъ родины и милыхъ мѣстъ погасъ этотъ свѣточъ честной русской литературы.

Чеховъ не первоклассный талантъ. Но онъ, что называется, работалъ на совѣсть, никого не обманывая, не создавая умышленно дутыхъ героевъ, не прибѣгая къ ухищреніямъ, какія вошли въ моду въ русской беллетристикѣ послѣ его смерти. Онъ далъ все, что могъ. Его труды не даютъ ему титула великаго писателя, но что Чеховъ—большой писатель, конечно, всѣ согласятся. Онъ, однако, не шелъ одной дорогой, а разбрасывался. Юморъ и маленькіе рассказы онъ оставилъ, хотя въ нихъ-то онъ и былъ мастеръ своего дѣла. Серьезность дальнѣйшихъ его произведеній не выиграла въ глубинѣ. Театръ увеличилъ его популярность, но его пьесы есть только добросовѣстные потуги создать что-нибудь значительное. Чеховъ, если хотите, не оправдалъ надеждъ нашихъ литературныхъ стариковъ: Левъ Толстой прямо говорилъ, что лучшее у Чехова—это его небольшіе, полные юмора и мѣткости рассказы; драмъ Чехова великій писатель совсѣмъ не признавалъ; А. С. Суворинъ, если не ошибаюсь, кому-то высказывалъ, что Чеховъ былъ прекраснымъ цвѣткомъ литературнаго русскаго сада, но среди цвѣтенія его постигла какая-то незамѣтная хворь, остановившая его ростъ.

Весьма пехорошо отозвалось на здоровьи Чехова торопливое сочиненіе пьесъ, которыхъ добивался отъ него Художественный театръ.

Нуженъ сильный талантъ и большой срокъ времени, чтобы написать если не выдающуюся, то хотя умную, занимательную и спелую пьесу. Необходимо быть прирожденнымъ драматургомъ—если не Островскимъ, то хотя бы только Викторомъ Крыловымъ. Сцена имѣетъ свои требованія, свои особенности, свои условія. Но даже выдающіеся русскіе драматурги своихъ драмъ и комедій,

по выраженію Чехова, «не пекли, какъ кулебякь». Толстой, Писемскій, Островскій... сколько трудовъ положили они на обработку своихъ шедевровъ!

Такъ ли поступалъ Ан. П. Чеховъ, не обладая, при этомъ, выдающимся способностями драматурга? Увы, мы здѣсь видимъ обратное. Чеховъ спѣшилъ съ пьесами. Онъ надламывалъ себя, стараясь сказать «новое слово», но не сказалъ его. Упорно, какъ въ юные годы, онъ работать не могъ. Злой недугъ не позволялъ ему этой усиленной траты энергіи.

Пьесы Чехова сопровождались, какъ будто, успѣхомъ. Къ сожалѣнію, это было до извѣстной степени маревомъ. Успѣхъ создавало популярное имя больного автора, полное отсутствіе таланта въ пьесахъ другихъ авторовъ того времени и, наконецъ, тѣ великія ухищренія постановокъ г.г. Станиславскаго и Немировича, какія были приняты новой публикой театровъ за какія-то «сценическія откровенія». Все это было пухомъ, воздушнымъ замкомъ. И чеховскія пьесы, и постановки Художественнаго театра—не откровенія.

На пьесахъ для названнаго театра Чеховъ надорвалъ свои послѣднія силы—и скорбно почилъ внѣ предѣловъ своей родины...

А. С. Суворинъ, узнавъ о смерти Чехова, того цвѣтка, пересаженнаго съ его гряды неумѣлыми руками, — написалъ горячую статью, посвященную памяти Антона Чехова. Статья эта извѣстна всѣмъ.

Мнѣ Суворинъ телеграфировалъ, прося заказать дорогой серебряный вѣнокъ и возложить его на гробъ писателя. Чехова хоронили торжественно, всей Москвой, какая только была въ это время налицо.

Впослѣдствіи, увидавшись съ Суворинымъ и рассказывая ему о встрѣчѣ и похоронахъ, я услышалъ отъ него фразу:

— Москва умѣетъ цѣнить людей, и Чеховъ стоилъ общихъ слезъ и сожалѣній. Вѣда въ томъ, что онъ не такъ, какъ бы слѣдовало, распорядился при жизни и своимъ дарованіемъ, и здоровьемъ.

XV.

Юбилей «Новаго Времени».

Въ среду 28-го февраля 1901 года было отпраздновано двадцатипятилѣтіе «Новаго Времени».

Вышелъ замѣчательный № 8.982 «Новаго Времени» съ портретами всѣхъ дѣятелей и сотрудниковъ этой газеты: А. С. Суворина, А. А. Суворина, М. А. Суворина, В. П. Буренина, К. А. Скальковскаго, В. В. Гея, А. Н. Маслова (Бѣжецкаго), В. К. Петерсена

(А—та), А. Н. Молчанова, М. М. Иванова, В. С. Россоловскаго, Н. С. Кутейникова, С. Н. Шубинскаго, Д. Н. Кайгородова, С. С. Татищева, В. С. Кривенка, О. И. Булгакова, Е. Л. Кочетова (Русскаго Странника), Ф. В. Вишневскаго (Черниговца), Л. К. Попова (Эльпе), В. Г. Авсѣенка, Я. А. Плющика-Плющевскаго, В. В. Розанова, В. С. Лялина (Петербуржца), Ф. Е. Ромера, С. И. Смирновой, И. Л. Леонтьева (Щеглова), К. М. Фофанова, С. Н. Сыромятникова (Сигмы) и мн. др.

Къ этому времени Ан. П. Чеховъ окончательно перебрался, въ смыслѣ литературства, въ Москву, и его портрета нѣтъ среди наиболѣе выдающихся сотрудниковъ «Новаго Времени». Отсутствуетъ и А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman), по разнымъ «обстоятельствамъ» принужденный покинуть «Новое Время», отказавшее этому журналисту сводить личные счета съ артистами на своихъ страницахъ.

Были помѣщены портреты сотрудниковъ, не дожившихъ до юбилея: М. П. Оедорова, А. П. Коломнаина, М. А. Загуляева, А. А. Дьякова (Жителя), С. Н. Терпигорева (Атавы) и К. И. Кавоса.

Юбилей съ датой «25»—многое значить для газеты. Это цѣлая четверть вѣка, а такъ какъ жизнь политическаго газетнаго органа считается жизнью, выражаясь по-старинному, какъ подъ Севастополемъ, то и выходитъ, что «Новое Время» прожило какъ бы цѣлый вѣкъ. Сколько исторій, сколько интересныхъ статей, полемики, каръ отъ администраціи, скорпіоновъ отъ различныхъ цензуръ! И не перечесть!... Юбилей этотъ могъ бы пройти во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Сотрудники съѣхались отовсюду: изъ далекихъ провинцій и даже изъ-за границы: изъ Берлина явился Н. К. Мельниковъ-Сибирякъ (въ нынѣшнюю войну томящійся у нѣмцевъ въ плѣну), изъ Парижа—П. Н. Дубенскій (Вожинъ), нынѣ уже умершій, и др.

Юбилей съ внѣшней стороны прошелъ весьма блестяще. Обычные аксессуары юбилея: массы гостей, депутацій, рѣчей, поздравлений, телеграммъ, всего этого было въ изобиліи; въ театрѣ былъ спектакль съ концертомъ—апоеозомъ въ честь «Новаго Времени».

Все это, дѣйствительно, удалось на славу. Но не было главнаго: объединенія сотрудниковъ. Это сразу обнаружилось. Я съ грустью увидаль печальное лицо А. С. Суворина. Онъ былъ явно не въ духѣ. А какъ могъ бы порадоваться создатель всего благополучія, которое сверкало вокругъ на юбилей газетъ! И какъ хорошо бы почтить этого высокоталантливаго руководителя именно общимъ миромъ, дружескимъ и теплымъ другъ къ другу отношеніемъ... Но въ этотъ юбилейный годъ произошло что-то, разстроившее и души, и сердца.

Между тѣмъ публика такъ и стремилась на юбилей. Театръ не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ полюбоваться апоеозомъ «Новаго Времени». У А. С. Суворина въ Петроградѣ было столько

искреннихъ поклонниковъ, что дай Богъ любой знаменитости спены имѣть этакое количество обожателей. Видѣть знаменитаго автора превосходныхъ «Маленькихъ писемъ» желали многіе читатели «Новаго Времени».

Съ П. Н. Дубенскимъ, парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени», пріѣхаль изъ Франціи нѣкто г. Варгуницъ. Онъ прямо заявилъ, что ѣдетъ на родину не столько изъ-за родины, сколько изъ-за А. С. Суворина.

П. Н. Дубенскій недолго сотрудничаль въ нашей газетѣ. По виду богатырь, онъ, однако, страдалъ неизлечимой болѣзнью. Года черезъ три послѣ юбилея «Новаго Времени» онъ, уже больной и едва двигающійся, покоичилъ жизнь самоубійствомъ. Для «Новаго Времени», по-моему, это была большая потеря: Дубенскій имѣлъ талантъ журналиста, зналъ военное дѣло (раньше служилъ полковникомъ генеральнаго штаба, если не ошибаюсь) и, кромѣ того, былъ русскимъ въ хорошемъ значеніи этого слова. Онъ интересно и безпристрастно корреспондироваль съ процесса Дрейфуса.

И все-таки на этомъ юбилеѣ было не то, что должно бы быть. Главные сотрудники глядѣло невесело...

То ли дѣло, припоминаю, какъ душевно и сердечно прошелъ одинъ изъ «Касьяновъ», отпразднованныхъ въ домѣ Алексѣя Сергѣевича и Анны Ивановны Сувориныхъ!

Я попалъ случайно, пріѣхавъ въ Петербургъ по редакціонному дѣлу, и тутъ же мнѣ вручили приглашеніе на обѣдъ къ Суворину.

Я не забуду этого хорошаго дня. Во-первыхъ, обѣдали чисто по-русски: съ шести часовъ вечера до четырехъ часовъ утра. Сотрудники въ квартирѣ Суворина, напоминая пчель въ ульѣ, ходили группами; остроумныя фразы такъ и скрещивались; вѣдь кто собрался-то: сотрудники самой талантливой газеты! Весело шутили, остряли, насмѣшничали; обѣдъ начался въ двухъ залахъ: въ большой предсѣдательствовалъ самъ А. С. Суворинъ, въ малой—на первомъ мѣстѣ возсѣдала А. И. Суворина съ молоденькой дочкой А. А. Сувориной (нынѣ извѣстная артистка) и сыномъ В. А. Суворинымъ. Мы, молодые сотрудники, ютились за этимъ столомъ. Было очень непринужденно, просто. Снѣсаревъ съ Дубровскимъ устроили пари: первому завязали глаза, и онъ, пробуя вино, угадываль, красное это или бѣлое. Снѣсаревъ, очевидно, могъ бы служить римскимъ дегустаторомъ у самого Нерона: онъ безошибочно угадываль вино, и Дубровскій проигралъ ему 25 рублей (по пять рублей за пробу).

— Онъ видитъ!—кричали въ шутку.—Сквозь платокъ видитъ!

— Полноте, господа!—объясняль Л. К. Поповъ.—Здѣсь просто психологія помогаетъ...

Многіе стали пробовать угадывать «по психологiи» и напутали ужасно.

Я на этомъ обѣдѣ познакомился впервые съ К. С. Тычинкинымъ, который подговаривалъ сосѣдей просить меня сказать рѣчь.

— Изъ Москвы пріѣхалъ, пусть покажетъ московское искусство краснорѣчія!—говорилъ онъ.

— Куда ужъ намъ, московскимъ вахлакамъ,—отбояривался я, дѣйствительно, не понимая, что я могу сказать на этомъ дружескомъ обѣдѣ, кромѣ развѣ одного: «Милые, хорошіе, какъ вы всѣ любезны, какъ вы мнѣ всѣ нравитесь?»

Кормили насъ на убой, восхитительными блюдами, шампанскимъ—заливали. Когда обѣдъ кончился, начался сушій греческій «симпозионъ». Около Анны Ивановны находились Евгенія Константиновна Суворина (жена А. А. Суворина). Ихъ окружали Сыромятниковъ, Резановъ, Кояловичъ, Черниговецъ и другіе, а В. П. Буренинъ сидѣлъ въ отдаленіи, на диванѣ, и что-то смѣшное рассказывалъ супругѣ М. А. Суворина, Е. И. Сувориной.

— Викторъ Петровичъ, вы что же это?—вдругъ возвысила голосъ Анна Ивановна.

— А что такое?

— Вы меня покинули! Извольте сѣсть со мной рядомъ.

— Простите, я съ дамой.

— Вотъ это мило! Ваша дама—моя невѣстка, я старше и имѣю въ этомъ случаѣ преимущество.

Всѣ смѣялись.

— Нѣтъ, не признаю этого права!—спорилъ В. П. Буренинъ.

— Господа-сотрудники, что же это такое?—комически спросила Анна Ивановна.—Неужели вы дадите въ обиду вашу издательницу?!

— Василій Васильевичъ, предоставьте сюда Виктора Петровича силой!—сказала Евгенія Константиновна.—Михаилъ Михайловичъ помогите ему...

— Ну-ка, попробуйте! Попробуйте!—подзадоривалъ ихъ В. П. Буренинъ.

Сотрудники разводили руками.

— Трудно!

— Тогда я москвича попрошу!—воскликнула Анна Ивановна.—

Ну-ка, матушка-Бѣлокаменная, выручай!

— Вамъ угодно по доброй волѣ итти?—спросилъ я, улыбаясь.

— Это что такое? Московскій дѣтинушка... не подходи!

— Не сдавайтесь, Викторъ Петровичъ!—ободряла нововременскаго критика Е. И. Суворина.

Я схватилъ Виктора Петровича за плечи, быстро поднялъ съ дивана и бурей домчалъ, заставляя бѣжать взятаго въ плѣнъ Виктора Петровича къ Аннѣ Ивановнѣ, и даже усадилъ его на диванъ. Дамы рукоплескали.

— Вотъ она, Москва-то!

Я думаю, никто не посѣтуетъ на меня за приведенный эпизодъ празднуемаго Сувориными Касьянова дня. Тѣмъ болѣе, что это прошлое, минувшее. Этотъ товарищескій обѣдъ и вечеръ, знаменующій zenith славы А. С. Суворина, отошелъ въ вѣчность. Умеръ Суворинъ—и отлетѣла душа объединенной семьи литераторовъ и сотрудниковъ.

Въ тотъ Касьяновъ день я былъ молодъ, здоровъ, полною надеждою на будущее, и мнѣ казалось, что Касьяновы дни никогда не прекратятся...

Не то было на юбилей «Новаго Времени». Я ужъ говорилъ, что Суворинъ глядѣлъ какимъ-то больнымъ, нахмуреннымъ. Прежде, бывало, онъ встрѣчалъ меня привѣтливо и всегда освѣдомлялся объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. Теперь онъ даже и не спросилъ про недавняго любимца. Онъ сказалъ:

— У васъ въ Москвѣ начался съѣздъ актеровъ, и отсюда разные говоруны съ М. Г. Савиной поѣхали. Вы имъ не вѣрите, этимъ краснобаямъ. М—въ, я убѣжденъ, будетъ говорить однѣ глупости...

— Что услышу, то и напишу, Алексѣй Сергѣевичъ. Не прибавлю, да и не убавлю.

— Охъ, ужъ эти мнѣ актерскіе съезды! Дѣла отъ нихъ ни на грошъ, а пустозвонства на сто-тысячъ цѣлковыхъ... Какъ толкуютъ актеры насчетъ Великаго поста, вы не знаете?

— Они почти всё за прекращеніе спектаклей. Говорятъ, что разсужденія о шестинедѣльномъ голоданіи—однѣ фразы, что нужно же въ году имѣть одинъ перерывъ въ полтора мѣсяца, чтобы съѣхаться на свою вольную биржу и устроить дѣла. Кромѣ того, съезды въ московскомъ бюро имъ полезны хотя бы потому, чтобы «пообразоваться», такъ сказать, узнать столичныя вѣянія, поглядѣть новыя пьесы, словомъ, они за отдыхъ въ посту...

— Что жъ, это резонно. Знаете, вы, голубчикъ, поговорите на эту тему съ разными актерами повиднѣе, да и пишите намъ. Это любопытно и даже, для актеровъ, черезчуръ умно... Вы зачѣмъ въ Петербургъ пріѣхали?

— Какъ зачѣмъ? А юбилей-то...

— Ахъ, да, юбилей! Чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они юбилей какой-то затѣяли. Это все Снѣсаревъ поджигаетъ... А, впрочемъ, я радъ...

Суворинъ помялся. Ему что-то хотѣлось спросить, но, кажется, онъ задалъ другой вопросъ:

— Что тамъ, въ московскомъ книжномъ магазинѣ, вы не знаете, что дѣлается? Говорятъ, безпорядки, упущенія...

— Не знаю,—отвѣчалъ я:—впрочемъ, управляющій Владасовъ пріѣхалъ на юбилей, онъ, вѣроятно, къ вамъ явится...

— Какъ, и Владасовъ пріѣхалъ? Это съ которой же стороны онъ подходитъ къ газетному юбилею? Это, голубчикъ, однако,

чортъ знаетъ, что! Вы ему передайте, чтобы онъ явился говорить по дѣлу. Ему надо умѣть торговать, а не юбилеи справлять. Литераторъ какой, скажите на милость!

Я ужъ и не радъ былъ, что упомянулъ о Бладасовѣ.

Юбилей насталь и протекъ, какъ я уже говорилъ, шумно. Суворинъ не оживлялся. Онъ былъ все время насупленъ. Сбѣхались мы, сотрудники, сниматься къ лучшему фотографу,—и опять недовольное лицо А. С. Суворина появилось посреди насъ, творя ненастье въ настроеняхъ. Долго не могли усѣсться. Никто не желалъ сѣсть на пустыя мѣста, въ первомъ ряду.

— Господа, садитесь же! Впередъ пожалуйте!

— Садись, Сережа!

— Лучше ты, Николай!

— У тебя борода, тебѣ впереди приличнѣе...

А. С. Суворинъ въ нетерпѣннн даже палкой стукнулъ:

— До какихъ же мы поръ будемъ располагаться въ группѣ?— съ досадою спросилъ онъ.

На другой день я уѣхалъ въ Москву, на актерскій съѣздъ, какъ всегда, многочисленный, немного шумный, немного безтолковый. Слушалъ я тамъ М—выхъ, К—выхъ и всѣхъ другихъ «краснобаевъ», но, говоря по совѣсти, никакихъ особенныхъ глупостей въ ихъ рѣчахъ не замѣчалось. Говорили только черезчуръ витевато, какъ, впрочемъ, на актерскихъ съездахъ и полагается.

Безъ меня сотрудники «Новаго Времени» снимались еще разъ, и вторая группа удалась гораздо лучше.

Недавно, припоминая изъ прошлаго «столикая многая», я съ разнородными чувствами глядѣлъ на своихъ сотоварищей. Онъ, сколькихъ здѣсь теперь недостаетъ! Даже сердце сжимается...

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеке,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ!»

Послѣ юбилея «Новаго Времени» налетѣла гроза—и развѣяла сотрудническую рать на двѣ части... Мимо, мимо этихъ волнующихъ воспоминаній!

XVI.

Юбилей А. С. Суворина.

Великолѣпный старикъ Суворинъ, много перестрадавшій за свою долгую жизнь, достигъ зенита своей славы и отпраздновалъ юбилей, рѣдкій юбилей, обозначаемой римской цифрой:

— L.

Пятьдесятъ лѣтъ! Пятьдесятъ лѣтъ литературнаго, блестящаго, славнаго и честнаго труда!

Государь Императоръ Николай II, жалуя А. С. Суворину Свой портретъ въ золотой рамѣ, соизволили начертать слѣдующія прекрасныя слова:

«Алексѣю Сергѣевичу Суворину, *честно проработавшему* на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ *на пользу родной страны*».

Эти слова русскаго Царя исчерпываютъ всю дѣятельность Суворина: пятьдесятъ лѣтъ честно работаль на пользу родной Россіи! Рѣдкая, завидная участь!

Юбилей этотъ былъ торжественно и счастливо отпразднованъ 27-го февраля 1909 года, и на этотъ разъ ничто не омрачало литературныя именины стараго писателя.

По крайней мѣрѣ за полгода до юбилея ко мнѣ обратился съ письмомъ К. С. Тычинкинъ, прося подумать и извѣстить редакцію, какъ и чѣмъ могла бы Москва выразить свое участіе въ празднованіи пятидесятилѣтія общественно-литературной дѣятельности Алексѣя Сергѣевича.

«Мы всѣ въ редакціи, — писалъ г. Тычинкинъ, — озабочены тѣмъ, чтобы этотъ праздникъ удался какъ можно лучше. Нужно принять мѣры, чтобы юбилей порадовалъ нашего всѣми любимаго Суворина. О своихъ планахъ напишите Михаилу Алексѣевичу, а также и мнѣ. Самъ я затрудняюсь что-нибудь подсказать вамъ. Рѣшительно не могу представить, какъ можно привлечь вашу Бѣлокаменную къ юбилейнымъ торжествамъ. Но привлечь положительно необходимо. Постарайтесь, пожалуйста!»

Задача была, какъ видите, не легкая.

Но я разрѣшилъ ее быстро. Я рассуждалъ такъ:

— А. С. Суворинъ — человекъ извѣстный, уважаемый и любимый. Одно дѣло — газеты враждебнаго лагеря и другое — интеллигентное общество Москвы. Когда шла суворинская пьеса «Вопросъ», наши рецензенты ужъ не знали, какъ и чѣмъ уязвить маститаго автора, тогда какъ публика на первомъ представленіи отнеслась къ Суворину очень сочувственно. Такимъ образомъ, можно и относительно участія въ юбилеѣ обратиться непосредственно къ самому обществу Москвы.

Являлся вопросъ: какъ обратиться, въ какой формѣ?

И это у меня скомпановалось сразу.

— Адресъ! — подумалъ я: — единственный вѣрный путь, — это адресъ!

Я обратился къ моему хорошему знакомому, академику живописи К. В. Лебедеву, прекрасному художнику, постоянному участнику «передвижныхъ выставокъ», извѣстному жанристу, картины котораго, по преимуществу изъ стараго русскаго быта, всегда отличались огромными достоинствами. Его превосходный поэтический жанръ «Юродивый» былъ пріобрѣтенъ Государемъ Императоромъ.

К. В. Лебедевъ оказался почитателемъ А. С. Суворина и съ удовольствіемъ нарисовалъ чудесную виньетку для адреса. Была изображена Москва, ея Кремль. Особенно интересны и оригинальны оказались буквы въ русскомъ стилѣ, значащія имя, отчество и фамилію юбиляра.

Я заказалъ колоссальную кожаную папку и съ этой машиной началъ свой каждодневный объѣздъ болѣе или менѣе видныхъ москвичей. Я шелъ къ знакомымъ и незнакомымъ, первыхъ просилъ рекомендовать мнѣ еще такихъ лицъ, которыя своей подписью украсили бы адресъ, вторымъ рекомендовался, читалъ текстъ привѣтствія и предлагалъ адресъ для обозрѣнія и подписи.

Текстъ адреса я составилъ послѣ многихъ передѣлокъ и, наконецъ, написалъ его собственноручно на особомъ листѣ ватманской бумаги.

Вотъ этотъ адресъ. Печатаю его полностью, тѣмъ болѣе, что въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ не былъ перепечатанъ въ свое время:

«ОТЪ СТАРОЙ МОСКВЫ».

«Глубокочтимый Алексѣй Сергѣевичъ!

«Вся Россія празднуетъ сегодня пятидесятилѣтіе вашей литературной дѣятельности, и старая Москва, сердечно васъ любящая, шлетъ вамъ свой привѣтъ и поклонъ. Древняя російская столица прославлена краснымъ звономъ своихъ колоколовъ. Вашъ голосъ, подобно колоколу, всегда будилъ общественное сознание. Москва—собирательница земли русской. Она чтитъ въ васъ тѣ высокія патріотическія чувства, которыя дороги каждому гражданину, не утратившему любви къ своей странѣ, она цѣнитъ вашъ трудъ, изумительный по размѣрамъ и результатамъ. Вся жизнь ваша—сплошная борьба за Россію, за ея историческія государственныя основы, за благо русскаго народа.

«Привѣтъ же вамъ, славный писатель, пятьдесятъ лѣтъ отдававшій свой силы, страсть и талантъ родному обществу! Привѣтъ вамъ, покровитель литературныхъ дарованій, тонкій знатокъ искусства, другъ театра, издатель прекрасныхъ книгъ и талантливой газеты, король журналистики, король отъ головы до ногъ!

«Пусть еще на долгіе годы Богъ дастъ здоровья Суворину. Звучи, талантъ-колоколь, буди хорошія чувства!—Тебя внимательно слушаетъ благодарная родина!..»

Я ожидалъ, что адресъ «Отъ старой Москвы» будетъ хорошо принятъ въ Москвѣ, я надѣялся на привѣтливыя встрѣчи. А вышло даже лучше, чѣмъ я рассчитывалъ. Профессора университета, учащаяся женская и мужская молодежь, артисты, художники,

писатели, журналисты, выдающіеся общественные дѣятели, представители дворянскаго и купеческаго сословія, всё встрѣчали меня радушно, восхищались адресомъ, охотно его подписывали и желали добраго здоровья и продолженія славной дѣятельности маститому юбиляру.

Адресъ у меня даже брали, везли въ разныя учрежденія, и тамъ десятки подписей заполняли этотъ громадный адресъ.

Скоро ужъ негдѣ было писать. Заполнены были всё промежутки, всё уголки. Я написалъ К. С. Тычинкину, что Москва на юбилей А. С. Суворина постоитъ за себя, въ грязь лицомъ не ударить.

Приѣхавъ въ Петербургъ дня за два до юбилея, я повидался съ редакторомъ «Новаго Времени» Михаиломъ Алексѣевичемъ Суворинымъ и, уединившись въ кабинетъ В. П. Буренина, прочиталъ ему адресъ.

М. А. Суворинъ остался доволенъ и текстомъ, и виньеткой, и подписями.

— Прекрасный адресъ, и текстъ вы хорошо составили, — сказалъ онъ: — мнѣ очень нравится. А кто читать будетъ?

— Я самъ прочту, — сказалъ я: — а нанку съ подписями будетъ подносить со мной В. Ф. Саранчинъ.

— Отлично, помогай Богъ прочитать хорошо. Торжество будетъ въ Дворянскомъ собраніи, въ большомъ залѣ, — сказалъ Михаилъ Алексѣевичъ и пока простился со мной.

Я былъ чрезвычайно радъ, что М. А. Суворинъ одобрилъ сочиненный мною адресъ. Это придадо мнѣ бодрости. Предстояло читать при шести тысячахъ зрителей отборнаго петербургскаго общества. Это не шутка!

Остановился я на квартирѣ члена Государственной Думы Н. П. Шубинскаго, моего давняго хорошаго знакомаго. И онъ также одобрилъ мой адресъ, а прослушавъ, какъ я читаю, оказалъ, что все сойдетъ отлично. Я не трусилъ, но когда мы вмѣстѣ ѣхали на торжество въ Дворянское собраніе, сердце у меня сильно билось.

Петроградское Дворянское собраніе больше, грандіознѣе нашего Благороднаго собранія. Я увидалъ колоссальную залу, которая была вся наполнена публикой. Въ первыхъ рядахъ видѣлись отличные туалеты дамъ, блестящіе мундиры военныхъ и фраки штатскихъ.

А. С. Суворинъ сидѣлъ на эстрадѣ, возлѣ него — ближайшіе сотрудники и дѣятели «Новаго Времени». Семья юбиляра помѣщалась въ особой ложѣ бенуара. Я ничего не понялъ, что читалъ В. А. Прокофьевъ (адресъ отъ сотрудниковъ), настолько слабъ былъ его голосъ. Это дало мнѣ мысль читать какъ можно громче. Стоялъ я среди безконечной цѣпи депутацій десятымъ по очереди. Передо мной находился товарищъ петроградскаго городского головы.

Бурные аплодисменты сопровождали чтеніе главы октябристовъ А. И. Гучкова, и, дѣйствительно, этотъ адресъ былъ прекрасенъ.

Союзъ 17-го октября и его парламентская фракція считали своею главною задачею освѣтить въ должной мѣрѣ заслуги А. С. Суворина передъ молодою, политически обновляющею Россіей и называли главу «Новаго Времени» Несторомъ русской публицистики.

Между прочимъ, въ этомъ адресѣ были такія отличныя слова:

«Когда падали полководцы и терялись люди государственнаго ума, вы, Алексѣй Сергѣевичъ, въ области вашего творчества сохранили твердую ясность сознанія и непоколебимую вѣру въ Россію и ея будущее величіе. Вы не принадлежите ни къ одной изъ народившихся нынѣ партій,—это не соответствовало вашимъ привычкамъ и литературной независимости писателя. Но провозглашенныя вами добрыя слова соответствуютъ кореннымъ вѣрованіямъ союза 17-го октября!»

Чтеніе А. И. Гучкова—спокойное, внятное и выразительное—не разъ прерывалось рукоплесканіями всей залы.

Я не могъ такъ спокойно читать! Я уже весь дрожалъ той нервной дрожью дебютанта, выступающаго передъ большою и лучшей публикой. Въ Москвѣ мнѣ не разъ приходилось выступать съ публичными докладами, а также оппонировать на собраніяхъ, но тутъ волненіе оказалось гораздо большимъ. Не успѣлъ я, что называется, прійти въ себя, какъ В. Ф. Саранчинъ толкнулъ меня и сказалъ:

— Намъ!

Мы подошли, поклонились А. С. Суворину, затѣмъ я обернулся къ публикѣ и объяснилъ, какого рода подписи фигурируютъ на адресѣ отъ старой Москвы.

Затѣмъ прочиталъ и самый адресъ. Онъ былъ принятъ отлично.

Послѣ словъ «король журналистики, король отъ головы до ногъ»,—заль дрогнулъ отъ общихъ и оглушительныхъ рукоплесканій.

— Bravo! Вѣрно!—кричали кругомъ.—Великолѣпно!

Я закончилъ чтеніе,—новые аплодисменты, шумные, дружные... Слава Богу, значить, адресъ отъ старой Москвы имѣлъ успѣхъ!—подумалъ я.

Мнѣ потомъ говорили (М. А. Суворинъ, В. П. Буренинъ и др.), что очень хорошо прочиталъ адресъ. Даже артисты Александринскаго театра одобрили!

Это меня страшно радовало. Просто по-дѣтски.

Я и сейчасъ-то объ этомъ упоминаю только потому, что стремленіе вложить свою долю чествованія любимаго издателя всего болѣе надѣлило меня энергіей. Не будь Суворинскаго юбилея, я бы никогда не отважился на подобное выступленіе.

Торжества юбилейнаго праздника подробно описаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и поэтому я повторять ихъ не стану. Скажу только о своей бесѣдѣ съ А. С. Суворинымъ передъ отъѣздомъ въ Москву.

Алексѣй Сергѣевичъ, когда я вечеромъ зашелъ къ нему, бесѣдовалъ съ М. О. Меньшиковымъ.

Юбилляръ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Онъ о чемъ-то шутливо спорилъ съ Михаиломъ Осиповичемъ и, дружески ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Хорошо, я подумаю! Я подумаю!

М. О. Меньшиковъ сейчасъ же ушелъ, Суворинъ обратился ко мнѣ:

— А, Москва... Старая Москва... Здравствуйте, голубчикъ!

Я пожалъ его большую, полную руку. Суворинъ показался мнѣ сущимъ богатыремъ. Крупная фигура, могучія плечи, открытое лицо въ ореолѣ серебряныхъ волосъ,—кто могъ подумать въ эту минуту, что не долго осталось жить на свѣтѣ издателю «Новаго Времени»?!

— Вы превосходно читаете... и я васъ даже не узналъ, во фракѣ... И по голосу не сразу призналъ... Всѣмъ понравилось!..

Однако скоро Суворинъ перешелъ на разспросы о Москвѣ. Я ему сообщилъ весь небольшой запасъ разныхъ московскихъ новостей. Описалъ кое-какія предвыборныя собранія съ ихъ курьезами, затѣмъ коснулся театровъ.

— Какъ здоровье Гликеріи Николаевны?—спросилъ Суворинъ.

Я подивился: невзирая на столько хлопотъ и такую массу юбилейныхъ впечатлѣній, Алексѣй Сергѣевичъ не забывалъ ничего.

Артистка Г. Н. Ѳедотова, о которой онъ спрашивалъ, была тяжело больна. Я даже самъ не рискнулъ поѣхать къ ней съ моимъ суворинскимъ адресомъ; его носилъ О. А. Правдинъ. Больная Ѳедотова сейчасъ же и съ удовольствіемъ украсила адресъ Суворина своей фамиліей.

Алексѣй Сергѣевичъ очень тронутъ былъ этимъ рассказомъ.

— Экая бѣдная!—сказалъ онъ.—Что съ ней?

— Главнымъ образомъ, ноги... она ступить на нихъ не можетъ!

— Какая жалость,—сказалъ Суворинъ и подошелъ къ пылавшему камину.—Я очень люблю эту артистку!

Опять скажу: этотъ могучій человѣкъ, на сильныхъ ногахъ, стоявшій передо мной, вытѣснялъ всякую возможность о хвори или смерти.

И что же? Г. Н. Ѳедотова, благодареніе Богу, жива до сихъ поръ, а Суворинъ—спитъ вѣчнымъ сномъ воистину *безвременной* кончины!

Онъ спрашивалъ меня о М. Н. Ермоловой, о новинкахъ сцены,—театраль глубоко внѣдрился въ эту многостороннюю душу талантливаго дѣятеля. Затѣмъ онъ радушно простился со мной.

XVII.

Суворинъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ.

Ударъ грома среди зимы и при безоблачномъ небѣ было бы встрѣтить не такъ неожиданно, какъ газетное извѣстіе, что у А. С. Суворина—ракъ горла.

Ракъ! Ужасная, таинственная, неизлечимая болѣзнь! Если бы это былъ случай наружнаго заболѣванія, а то въ гортани...

— Это смерть!—сказалъ мнѣ одинъ московскій врачъ.—Болѣзнь уже запущена... Петербургскій профессоръ, леча Суворина полгода, не распозналъ, что это ракъ! Простой докторъ наводитъ на истину... Удивительно!

Скоро дошли слухи, что Суворина повезли въ Германію, сначала въ Берлинъ, потомъ—во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ, какъ утверждали, находился нѣкій магъ и волшебникъ нѣмецкій профессоръ Шписъ, будто бы, великій мастеръ по вырѣзыванію раковыхъ опухолей.

Ужъ не знаю, какъ тамъ протекало леченіе А. С. Суворина, но въ Москвѣ нашлось множество людей, сильно огорченныхъ болѣзнью извѣстнаго писателя. Ко мнѣ звонили по телефону и знакомые; и незнакомые. Всѣ хотѣли знать правду, но я самъ ея не вѣдалъ. Я самъ алкалъ извѣстій...

Вскорѣ послѣ того, какъ А. С. Суворину сдѣлали вторую операцію,—въ Москвѣ начались опыты леченія раковыхъ опухолей знаменитымъ пиралоксиномъ. Директоръ клиники имени Базановой, С. Ф. фонъ-Штейнъ, положительно взволновалъ весь медицинскій міръ, объявивъ въ одномъ медицинскомъ журналѣ, что это средство, т.-е. пиралоксинъ, рекомендованное ему врачомъ Адельгеймомъ для леченія глазъ, онъ сталъ съ успѣхомъ примѣнять при леченіи рака, особенно тяжелыхъ случаевъ внутренняго характера, и... небезуспѣшно!

Поднялся страшный шумъ.

— Новое средство противъ рака!—возгласила пресса.—Новое спасительное средство!

Едва узнали объ этомъ средствѣ въ Петербургѣ, встрепенулись всѣ родные, друзья, знакомые и сотрудники Суворина.

Сейчасъ же пріѣхалъ въ Москву М. О. Меншиковъ, посѣтилъ фонъ-Штейна и его ушную клинику, затѣмъ—институтъ раковыхъ опухолей, гдѣ директоромъ, проф. В. М. Зыковымъ, также примѣнялся способъ леченія больныхъ пиралоксиномъ.

М. О. Меншиковъ сильно былъ увлеченъ новой методой леченія. Отправивъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ письмо къ Алексѣю Сергѣевичу, онъ напечаталъ въ «Новомъ Времени» свой фельетонъ о пиралоксинѣ и взбудоражилъ буквально всю Россію.

Печатались въ «Новомъ Времени» и я свои бесѣды о новомъ средствѣ съ проф. В. О. Снегиревымъ, съ фонъ-Штейномъ и съ профессоромъ Зыковымъ. Надежды почти у всѣхъ были радужныя. Я и К. С. Тычинкинъ, также прибывшій въ Москву, обходили всѣхъ раковыхъ больныхъ клиники Базановой, и С. Ф. фонъ-Штейнъ показывалъ намъ несчастныхъ, изуродованныхъ ужасающими язвами. Всѣ они лечились новымъ средствомъ.

— Пиралоксинъ быстро заживляетъ язвы,—объяснялъ фонъ-Штейнъ.—Получалось облегченіе при формахъ пораженія желудка. Будетъ ли рецидивъ—покажетъ время...

Клиника вскорѣ была переполнена больными раковыми опухолями. На квартирѣ фонъ-Штейна толпилась масса пациентовъ, прїѣзжавшихъ отовсюду. И всѣ толковали одно и то же:

— Пиралоксинъ! Пиралоксинъ!

Это слово стало какимъ-то фетишемъ больныхъ паломниковъ. Ъхали изъ далекихъ окраинъ, съ Кавказа, изъ Сибири, и каждый больной твердилъ:

— Пиралоксинъ! Пиралоксинъ!

Ъхалъ въ Москву и нашъ безцѣнный больной, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

Ъхалъ онъ и не онъ. То, что я встрѣтилъ въ Национальной гостиницѣ, наполнило мою душу безысходной тоской и отчаяніемъ. Суворина въ Германіи такъ оперировали, что впоследствии ужасались русскіе профессора. Но объ этомъ я скажу нѣсколько позже.

Суворинъ также прибылъ для леченія пресловутымъ пиралоксиномъ: Его осмотрѣли С. Ф. фонъ-Штейнъ, профессора В. М. Зыковъ и Н. Ф. Голубовъ.

Несчастный страдалецъ явился въ Россію съ вырѣзанной частью гортани, исхудалый и ослабѣвшій. *Онъ не могъ говорить.* Только хрипѣніе вылетало изъ его усть, и если онъ хотѣлъ что-либо сообщить своему собесѣднику, онъ бралъ карандашъ и писалъ на бумагѣ...

А ему отвѣчали ... словами.

Когда я посѣтилъ А. С. Суворина, у него находилась его сестра А. С. Суворина и г-жа Дестомбъ, ходившая за Суворинымъ во время болѣзни. Ужасъ, холодный ужасъ охватилъ меня. Я не могъ отвести глазъ отъ Алексѣя Сергѣевича и не зналъ, онъ ли это передо мной... Я видѣлъ дряхлаго, изможденнаго старца, а былой старикъ-богатырь исчезъ безслѣдно. Эти ввалившіяся щеки, потухшіе глаза... Господи! Онъ умираетъ!—вотъ что огнемъ пробѣгало въ моемъ умѣ.

А. С. Суворинъ сейчасъ же сталъ просить меня (запиской и съ помощью г-жи Дестомбъ) побывать у фонъ-Штейна и передать ему нѣсколько вопросовъ, на которые желалъ получить отвѣтъ Алексѣя Сергѣевичъ.

Записка эта была не запечатана, да я ее самъ и читалъ фонъ-Штейну.

«Скажите, докторъ, — спрашивалъ Алексѣй Сергѣевичъ: — отчего я, до операціи у Шписа, имѣя на гортани язву, все-таки не чувствовалъ, что я боленъ, меня существующая во мнѣ болѣзнь рѣшительно ничѣмъ *не беспокоила*? Теперь же, послѣ операціи, послѣ удаленія у меня части гортани, я *безусловно чувствую себя очень больнымъ*».

Были и еще вопросы: о пищѣ, о приѣмѣ пиралоксина, о боляхъ въ груди и т. д.

С. Ф. фонъ-Штейнъ, выслушавъ записку Суворина, сказалъ мнѣ:

— Естественно, что послѣ операціи Алексѣй Сергѣевичъ чувствуетъ себя плохо. Сама операція, далекій путь, волненія... все это сказалось, конечно! Завтра я у него буду и все ему растолкую.

Исполнивъ порученіе А. С. Суворина (последнее его порученіе мнѣ!), я уѣхалъ домой. Для меня скорая кончина Алексѣя Сергѣевича казалась неизбѣжной. Я помнилъ отчасти оговорки профессора В. Ф. Снегирева, Н. Ф. Голубова и друг. Этотъ пиралоксинъ имъ не внушалъ большого довѣрія: они боялись рецидива болѣзни.

— Время нужно, чтобы провѣрить его дѣйствіе! — говорили о немъ. — Средство это не новое, идетъ изъ Германіи. Тамъ препараты изъ пиррогаловой кислоты также испытывали, но что-то о хорошихъ результатахъ не слышно...

На другой день ко мнѣ пріѣхалъ Б. А. Суворинъ, прося указать какого-нибудь профессора по внутреннимъ болѣзнямъ, который могъ бы взглянуть его отца. Я указалъ на Н. Ф. Голубова, и онъ былъ приглашенъ.

Такимъ образомъ, Алексѣя Сергѣевича въ Москвѣ осматривали, кромѣ лечащаго пиралоксиномъ С. Ф. фонъ-Штейна, В. М. Зыковъ, профессоръ хирургіи, и Н. Ф. Голубовъ, профессоръ нашей университетской терапевтической клиники.

Н. Ф. Голубовъ подѣлился со мною впечатлѣніями, вынесенными послѣ осмотра Суворина.

— Я давно знаю и пользовалъ Алексѣя Сергѣевича не разъ, — сказалъ онъ. — Лечилъ я его съ покойнымъ Г. А. Захарынымъ, лѣтъ семнадцать тому назадъ. Тогда Суворинъ былъ превосходно сложенный, крѣпкій, мощный старикъ. Онъ не страдалъ ни переутомленіемъ отъ работы, ни нервами. Ни въ какомъ специальномъ леченіи не нуждался. Мы, помнится, присовѣтовали ему поѣздку, и только. Путешествія, по-моему, всегда прекрасно дѣйствуютъ на здоровыхъ и даже больныхъ людей. Теперь, при осмотрѣ Алексѣя Сергѣевича въ «Национальной» гостиницѣ, я, разумѣется, касался общаго его состоянія, а сфера рака — не моя специаль-

ность. Я нашель, что *всѣ органы Суворина были въ полномъ порядкѣ*. Жаль было глядѣть, что такой крѣпыщъ, могущій прожить еще рядъ лѣтъ, пораженъ тяжелой болѣзью. Сердце для восьмидесятилѣтняго старика изумительно крѣпко. Такъ я и ему, больному, сказалъ: говорю, у васъ все прекрасно сохранилось! Желудокъ, почки, сердце въ отличномъ состояніи.

Когда профессоръ Голубовъ, бесѣдуя и утѣшая Суворина своимъ добрымъ голосомъ, кончилъ осмотръ, Алексѣй Сергѣевичъ схватилъ клочокъ бумаги и, быстро написавъ, подалъ профессору.

Тамъ стояло:

«Хотѣлось бы еще пожить и поработать!»

Поймите глубину этой фразы, читатель! Обезсиленный тяжкими, мучительными операціями, больной, безголосый старикъ выражаетъ одно желаніе: пожить, чтобъ *поработать!* Труженикъ, работавшій всю свою честную, нравственную, разумную и воздержную жизнь, не утратилъ своей энергіи и работоспособности на краю могилы!

Н. Ф. Голубовъ добавилъ мнѣ, что знаменитый профессоръ Г. А. Захарьинъ, впервые встрѣтившись съ Суворинымъ, остался въ восторгѣ отъ его ума, оригинальности и доброты.

Профессоръ В. М. Зыковъ повѣдалъ мнѣ нѣчто такое, чего пока у насъ не знаетъ никто.

— Когда меня позвали къ Алексѣю Сергѣевичу,—говорилъ онъ:—я пробовалъ прежде всего осмотрѣть его гортань. Меня интересовало, какую операцію произвелъ франкфуртскій нѣмецъ-профессоръ. Вѣдь онъ, какъ мнѣ говорили, вырывалъ эти «жемчужины» рака по нѣскольку разъ. И вотъ, когда я заглянулъ въ горло къ больному, я былъ пораженъ и прямо взволнованъ. Операція хваленой нѣмецкой знаменитости была произведена *съ такой невѣроятной грубостью и жестокостью*, что все оперированное мѣсто представляло собою *сплошную рану*. Поэтому мой медицинскій осмотръ являлся бесполезнымъ. Пораженное, тяжело израненное горло А. С. Суворина было недоступно для изслѣдованія. Такая операція, повторяю, есть варварство, котораго мы, русскіе хирурги, не знаемъ. Когда я увидалъ это, чувство негодованія охватило меня при видѣ такихъ безобразныхъ слѣдовъ нѣмецкой оперативной расправы надъ бѣднымъ Суворинымъ...

Я оканчиваю свои записки объ А. С. Суворинѣ. Читатель пойметъ, что я ихъ велъ нервно, заноса то, что диктовало взволнованное сердце. Конечно, многого я не договорилъ, и многое о Суворинѣ осталось для меня неизвѣстнымъ. Но, какъ міръ, вся вселенная, есть лишь наше представленіе, то Суворинъ—это міръ, который я представляю, беря матеріаломъ все, что знаю объ этомъ

замѣчательномъ человѣкѣ. А. С. Суворинъ рисуется мнѣ, какъ страдотерпецъ постояннаго труда, усиленной работы, осмысленнаго созиданія. Большой, умный, добрый и прекрасный стоитъ онъ передо мной. Это для меня воинъ русской государственности, благородный націоналистъ, явный и неоспоримый прогрессистъ въ дѣлѣ просвѣщенія и славы родины, честный и мужественный патріотъ своего отечества, король русской журналистики, король отъ головы до ногъ!

Посвящаю эту статью моимъ товарищамъ по газетѣ и всѣмъ, кто, вспоминая А. С. Суворина, отдаетъ ему должное и, видя въ его смерти огромную потерю для Россіи, ощутить искреннюю и глубокую грусть...

Николай Ежовъ.

Москва, 1915 г.

